

**СЕГОДНЯ —
100 ЛЕТ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ДЕМЬЯНА
БЕДНОГО**

**ГАЗЕТЧИК
ПЕРВОГО ПРИЗЫВА**

Когда отмечался полувековой юбилей «Правды» и была заново воспроизведена копия ее первого номера, мое внимание остановили в нем заметка из Калуги и стихотворение Демьяна Бедного. Что ни говорите, завидная выпала честь и городу, и человеку! Позже про ту незабываемую майскую ночь поэт рассказал так:

Был я тогда голодным студентом.
Но в связи с торжественным моментом
Облачился в пальтишко новенькое,
Двадцатирублеванное,
Там в моей жизни знаменитое,
Что впервые на меня шило...
И до того у меня от радости
развилело нутро,
Смотрел я на «Правду»
с такой нежной ласкою,
Что не заметил, как присел
на ведро
С типографскою черною
красною...

Вся левая пола —
Сплошная смола!
А товарищам потеха,
Валются от смеха:
«Ай, пола-то, пола каковы!..
Не горюй, голова!
Это так называемое
Пятно несмываемое,
Большевикская, значит,
печать,
Чтобы сразу тебя отличать!»

Как хороший токарь любит свой станок и инструмент, как добрый крестьянин чувствует, чем дышит земля-кормилица, так и он — мастеровой газетного цеха — знал наборную кассу, умел обращаться с верстаткой, с наслаждением вдыхал запах свежего оттиска со своим

стихотворением, написанным час назад тут же в типографии. В то время и публицисты, и поэты, по старой привычке революционеров-подпольщиков, могли своими руками сделать газетный номер, как сказали бы теперь, «от» и «до».

Его отличали и отмечали всюду, куда доходила ленинская «Правда». В стане врагов пролетариата и крестьянства — помещиков, кулаков, попов, фабрикантов — рвались «басенные снаряды» «Демьяна Бедного — мужика вредного», Владимир Ильич Ленин заинтересованно следил за его творчеством, а когда свершилась Октябрьская революция, в 1918 году посвятил поэту-агитатору «постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распространяющая злодейку служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, Советскому государству, раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно выполняющая революционно-народный долг. Вот какую идейную базу имела моя фронтовая агитация!» Так заканчивал рассказ об одной из встреч с вождем революции ее первый поэт. База оказалась прочной

на целые десятилетия. Слова «фронтовая агитация» мы понимаем теперь расширительно: это не только поездки по фронтам гражданской войны, работа в «Красной газете» — это и творчество Демьяна в двадцатые — сороковые годы, когда его сатира кипела партийной, бойцовской страстью. Порусски разудало, нередко с перехлестом... Людям старшего поколения памятни и поныне его песни «Проводы», «Нас побить, побить хотели», сатирическая галерея врагов «Кого мы били», антирелигиозные басни, раешники, фельетоны, частушки. Предшественниками Василия Теркина были «Солдат Яшка — медная пряхна», «Дед Софрон» — красноармейский песенник и балагур, другие персонажи, выражавшие чаянья, ум, сметку, удаль русского народа. Сколько породили они последователей и подражателей в газетах — от центральных до многотиражных.

Вот почему «правдисту первого призыва», награжденному в 1923 году орденом Красного Знамени, так естественно пришлось по плечу шинель солдата Великой Отечественной. Своими раскатанными строками Демьян Бедный воевал с

первого июньского горького часа до Дня Победы.

Эх, мети, моя метла, —
Мусор вымети дотла!

Можно и сегодня встретить людей, которые, поморщившись, скажут: какая это поэзия? Демьян знал таких «литературных чистоплюев» и в свое время. Человек высокообразованный и начитанный, он знал и что такое высокая поэзия. На злобное шипение из вражеского стана, называвшего его стихи «утиль-поэзией», он отвечал: «Вспомните историю, господа. Когда дело касалось интересов правящих классов, в частности, буржуазии, то и она в уборке своих нечистот была способна видеть подвиг. Участвовать в революции — это значит выполнять любое задание революции, не брезгуя никакой темой и формой».

Для нас, журналистов нынешних дней, дорого и поучительно творчество «красноколомольного звонаря», агитатора, беспощадного борца с разгильдяйством, бесхозяйственностью, бюрократизмом, потребительскими инстинктами.

И дорого то, что он нежно, до самозабвения любил газету и журналистский труд.

К. АФАНАСЬЕВ.